

Н.И. Юшкевич

Рассказы и стихи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ю96

Ю96 **Юшкевич Н.**
Рассказы и стихи / Н.И. Юшкевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 80 с.

ISBN 978-5-521-39491-3

ISBN 978-5-521-39491-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

И, какъ тогда, тебя я умоляю:
О, помоги мнѣ, море, дай покой...

(Ялта.)

Христось Воскресъ!

„Христось Воскресъ!“ кругомъ несется,
И звонъ торжественный въ церквахъ,
Какъ призывъ къ счастью, раздается,
Будя все лучшее въ сердцахъ...

Забыты споры, возмущенья,
Обиды, пошлость, ложь и спѣсь
И всѣ въ порывѣ восхищенья
Привѣтъ твердятъ: „Христось воскресъ!“

Нигдѣ, какъ будто, нѣтъ печали...
Свершилось чудо изъ чудесъ:
Всѣ люди братьями вдругъ стали:
„Христось Воскресъ! Христось Воскресъ!“

(Тифлисъ).

Вечерняя пѣсня.

Въ нѣмомъ упоеньи, при свѣтѣ луны,
Сидѣлъ я на дикомъ уступѣ горы;
Внизу, подо мною, Подкумокъ шумѣлъ,
Вдали кто то грустную пѣсню запѣлъ...
Родной и знакомый мнѣ былъ тотъ напѣвъ...
И вспомнилъ я милые облики дѣвъ,
Такъ часто пѣвавшихъ вечерней порой
Пѣсеньку эту въ деревнѣ родной.
Межъ ними... я вижу... Зачѣмъ же вновь ты,
Какъ призракъ, какъ отблескъ коварной мечты,
Встаешь предо мною съ улыбкой нѣмой?
Зачѣмъ-же вновь будишь въ душѣ ты больной
Все то, что такъ трудно, такъ трудно забыть,
Чего невозможно ни скрасить, ни смыть!!
А звуки той пѣсни, какъ ропотъ волны,
Все слышались грусти и скорби полны...
Тѣ звуки, лаская, терзали меня...
Я думой унесся въ родные края,

Гдѣ все дорогое, чѣмъ только я жилъ,
На вѣки въ могилѣ сырой схоронилъ...
И слезы невольно одна за другой
Изъ глазъ покатались жемчужной струей...
А звуки той пѣсни, какъ шопотъ волны,
Все слышались грусти и скорби полны...

————— (Пятигорскъ).

Кавказу.

(Посвящается А. В. К—цкой).

Опять я здѣсь... Машукъ предъ мною;
На немъ завѣтный, мрачный гротъ,
Гдѣ Лермонтовъ творилъ порою,
Гдѣ отдыхалъ онъ отъ заботъ.

Влали Бештау горделива,
Юца, Верблюдка съ Змѣвой,
Проваль и водопадъ игривый,—
Все вновь предстало предо мной...

И, чувствомъ радостнымъ взволнованъ,
Пытливо устремляю взоръ
Кругомъ и въ даль, гдѣ, льдомъ окованъ,
Блеститъ хребетъ кавказскихъ горъ..

Межъ ними Эльбрусъ. Недоступный,
Поднявшись выше облаковъ,
Какъ атаманъ среди полковъ,
Стоитъ онъ гордый, неподкупный...

А по бокамъ все горы, горы...
Блестая снѣжной бѣлизной,
Онѣ приковываютъ взоры.
Разстаться трудно съ мыслью той,

Что я здѣсь гость, что я уѣду
И, можетъ быть, ужъ никогда
Въ предѣлы эти не заѣду...
Но вѣрь, Кавказъ: я навсегда

Плѣненъ могучей красотою
Твоихъ ущелій, горъ, ручьевъ
И, чтобъ все это видѣть вновь,

Подъ твой гостепріимный кровъ
Стремиться буду всей душою...
(Пятигорскъ.)

* *
*

И скучно, и грустно, и не къ кому вымолвить
Въ часы безотрадной тоски... [слова,
Нѣтъ вѣрнаго друга!.. Нѣтъ друга такого,
Съ которымъ-бы душу я могъ отвести...

Но мнится мнѣ, будто, есть другъ, но далеко...
Онъ также тоскуетъ, онъ также все ждетъ
И, душу запрятавъ отъ міра глубоко,
Со мной лишь ее отвсдетъ.
(Владикавказъ.)

Челнокъ.

Плыви, челнокъ,
Въ далекій край,
Въ тотъ уголокъ,
Гдѣ вѣчно рай.

Гдѣ безъ волненій
Въ завѣтной рошѣ
Живется проще,
Чѣмъ въ морѣ тлѣній...

Тамъ вѣчный міръ
Нѣтъ слезъ, тревогъ, .
Тамъ мой кумиръ,
Мой свѣтъ, мой Богъ.

Я тамъ умѣрю
Страстей волненье:
Въ то исцѣленье
Я вѣрю, вѣрю...

Плыви-жъ скорѣй
Туда, мой челнъ,
И будь смѣлѣй,—
Не бойся волнъ!

Несись прямѣ,
Мчись хоть въ пучину:
Свою судьбину
Найдемъ вѣрнѣ...

(Тифлисъ).

Pour m-elle Marie K.

Отъ тебя, ангелъ мой,
Не пойду я къ другой,
Чтобъ въ любви расточать увѣренья:
Я союзъ нашъ земной
Чту, какъ образъ святой,
Какъ невинной души умиленья.
Но скажи-же и ты,
Что не призракъ мечты,
Не коварный обманъ сновидѣнья.
Были ласки твои
И признанья въ любви,
И въ разлукѣ невольной томленья.
И скажи, что съ *тѣхъ* поръ
Роковой уговоръ
Не мѣнялъ своего назначенья?
И скажи, что тебя,
Пока живъ буду я
Не коснутся инья влеченья...
Наконецъ, что меня
Никогда, никогда
Ты не ранишь улыбкой презрѣнья
Или, можетъ быть, вдругъ
Не измѣнишь мнѣ, другъ?...
Ахъ! разсѣй-же, разсѣй всѣ сомнѣнья!...

(Железнодорокъ).

Прощальный привѣтъ.

Прошли безвозвратно счастливые дни:
На вѣки мы съ вами разстались!
И въ сердцѣ моемъ лишь томленья одни
Да думы о прошломъ остались.

О, какъ безпощадно коварный, злой рокъ
Порою смѣется надъ нами:

Бросаетъ насъ, губить, какъ море челнокъ,
Дарить то мечтой, то слезами.

Прошли!.. Нѣтъ возврата счастливымъ тѣмъ днямъ,
Какъ нѣтъ возрожденья въ могилѣ;
Какъ нѣтъ возрожденья отжившимъ цвѣтамъ,
Годами надломленной силѣ!..

Прощайте-жъ, мой свѣточъ! Прощайте, мой другъ!
Прощайте и будьте счастливы!
И счастья того пусть не сломитъ недугъ
Иль бури житейской порывы.

Пусть Божія Матерь всегда Васъ хранитъ
Отъ слезъ, роковой неудачи,
И пусть вашу душу, какъ сталь, закалитъ:
На свѣтѣ нѣтъ счастья иначе!

Пускай мириады небесныхъ свѣтилъ
Вашъ жизненный путь освѣщаютъ,
И лучшія силы изъ ангельскихъ силъ
Надъ вами пусть вѣчно витаютъ...

(Кисловодскъ).

Христосъ Воскресъ!

„Христосъ Воскресъ!“ изъ года въ годъ,
„Христосъ Воскресъ!“ изъ рода въ родъ,
Какъ вѣстникъ мира, раздается,
И сердце каждаго забьется
Отъ этихъ двухъ завѣтныхъ словъ.
И вотъ оно раздалось вновь
Въ лачужкѣ бѣдной, безъ половъ,
Въ дворцѣ расписанномъ широко
И въ морѣ бурномъ и глубокомъ...
И, мнится даже, будто лѣсъ
Тихонько шепчетъ: „Онъ воскресъ!“
Да! Онъ воскресъ и къ намъ взываетъ:
Всѣхъ къ миру насъ Онъ призываетъ,
Простить обиды завѣщаетъ,
Обняться намъ Онъ предлагаетъ...
Такъ что жъ?! Обнимемся, друзья!
(Всѣхъ обнимаю первымъ я!)
Забудемъ всякія сомнѣнья...
Къ чему онѣ? Одиѣ волненья!..

Забудемъ ихъ и въ міръ иной
Мы вступимъ дружной чередой...
Кругомъ все будетъ совершенство;
Не будетъ горя,—лишь блаженство
Повсюду будемъ мы встрѣчать.
Вѣдь, право, будетъ благодать!...
Исчезнутъ стоны и проклятья
И мы всѣ, въ радостныхъ объятыхъ,
Завѣты выполнимъ небесъ...
Такъ скажемъ же: „Христосъ Воскресъ!“.

(Баку).

Гроза и горе

Ночь. Погасли огни. Въ утомленномъ селѣ
Пѣсни, говоръ людской, скрипъ телѣгъ прекратились.
Приутихъ стукъ цѣповъ. Мужички на гумнѣ
За уборкой пшена, ржи, овса не возились.

За водой къ ручейку ужъ красоти не шли,
Парни ихъ для бесѣдъ за плетнями не ждали...
Сторожа лишь села свою службу несли,
Да и тѣ подлѣ хатъ гдѣ-то вдругъ задремали.

Птички въ гнѣздахъ своихъ, свитыхъ въ дряхлыхъ
[дуплахъ,
Тѣсно въ кучку сплотясь, беззаботно дремали.
Не рябила вода. На зеленыхъ кустахъ
Не дрожали листья: всѣ сады, будто, спали...

За садами, вдали, бархатистый лужокъ,
Весь окутанъ росой, какъ въ парчѣ, серебрился.
Окаймленный травой протекалъ ручеекъ,
Не журчалъ, не бурлилъ, чуть замѣтно струился.

Рядъ изрытыхъ полосъ, дозрѣвающихъ нивъ—
То виднѣлись вдали, то опять исчезали.
Пять крестовъ промежъ нихъ: деревенскій архивъ,
Мѣсто тяжкихъ утратъ, мѣсто слезъ и печали...

А вверху безпредѣльно—громаднымъ шатромъ
Небо свѣтлое, полное тайнъ, простиралось;
Отражалось въ прудѣ, цѣловалось съ ручьемъ,
По краямъ, будто, къ самой землѣ прикасалось.

Дискъ полночной луны, звѣздъ безчисленный рядъ,
Огоньками въ выси необъятной сіяли;
Дополняли собой ночи дивной нарядъ,
Полусвѣтомъ чарующимъ міръ обливали.

И такая кругомъ „тишь да гладь“ тамъ была,
Будьто, небо съ землей для покоя обнялись;
Будьто люди съ людьми никогда тамъ не дрались
И на злобной землѣ больше не было зла...

Отдыхала душа въ созерцаньи лѣтомъ
Величавыхъ красотъ, стройныхъ дѣлъ мірозданья
И казалось, что войны, напасть и страданья
Лишь пустыя преданья на шарѣ земномъ.

Вдругъ... окрестность потрясъ всю раскатистый
И затихъ... Съ большей силой затѣмъ повторился. [громъ
Край небесъ заблесталъ перекрестнымъ огнемъ
Вѣтерокъ по полямъ и садамъ прокатился.

Изъ за края земли тучи тѣсной толпой,
Мѣрно, грозно ширясь, полосой выползали...
Облегли небосклонъ, все окутали тьмой
И дождемъ проливнымъ всю равнину обдали...

Разыгралась гроза! Вѣтеръ вылъ; громъ гремѣлъ;
Молній рядъ огневыхъ ширь небесъ прорѣзали
И, блеснувши на мигъ, злой, печальный удѣлъ
Мирно спавшихъ сельчанъ, ихъ добра открывали...

Путникъ тою порой одинокій спѣшилъ;
Подошелъ ужъ къ селу: путь размытъ дальше былъ!..
Онъ, дрожа, плотно къ дубу спиной прислонился
И молитву творилъ, разъ за разомъ крестился,
Въ мигъ просвѣта за бурной стихіей слѣдилъ.

Видѣлъ: крыши снесло; изломало сады;
Повалило сарай возлѣ хаты убогой..
Плыли лѣсы, заборъ, плыло сѣно дорогой:
Погибало добро, пропадали труды!

Вдругъ блеснуло опять прежнихъ молній свѣтлѣй
Прежнихъ вдвое сильнѣй новый громъ раскатился..
Раздвоился тотъ дубъ вплоть до самыхъ корней,
Бѣдный путникъ подъ нимъ, какъ стоялъ, такъ свалился.

Тѣ-же молнія, громъ... Заструился дымокъ...
На селѣ все свѣтлѣй и свѣтлѣй становилось:
Охватило огнемъ одинокій стожокъ,
Пламя вихремъ близъ хатъ и сараевъ носилось.

Крикъ, неистовый крикъ, все село вдругъ потрясъ:
Пробудившись отъ сна, то вдова закричала
И спасать свой стожокъ, весь свой зимній запасъ,
Не взирая на дождь проливной, побѣжала...

Всполошилось село... Съ колокольной набатъ,
Заглушаемый громомъ порой, доносился.
Топотъ, ржанье коней, крики, вопли ребятъ...
Адъ—и только въ злосчастномъ селѣ воцарился!...

Догорялъ ужъ стожокъ. Дождь мельчалъ и рѣдѣлъ:
Громъ слабѣлъ; рѣже молнія въ небѣ блистала;
Тучи стали сходить; край небесъ просвѣтлѣлъ,—
Миновала гроза... Тишина вокругъ стала.

Занималась заря... Первый утренній лучъ
Яснымъ свѣтомъ облилъ небеса и равнину:
Грозныхъ, мрачныхъ, какъ ночь, въ небѣ не было тучъ,
Садъ спокойно стоялъ и не гнуло рябину.

Миновала гроза... Но безчисленныхъ бѣдъ
По равнинѣ злосчастной слѣды наблюдались:
Дубъ расщепленъ лежалъ, рядомъ старенькій дѣдъ,
Мужички ужъ въ кружокъ возлѣ нихъ собирались...

На пожарищѣ три сироты и вдова
О сгорѣвшемъ добрѣ неутѣшно рыдали;
Въ кровляхъ бреши спѣшно мужички подчиняли
Для заборовъ пилили, кололи дрова.

По полямъ, по лугамъ былъ вездѣ недочетъ,—
Что ни шагъ, мужички на удѣлъ свой роптали.
Миновала гроза... Много лѣтъ протечетъ,
Не забудутъ ее... И забудутъ едва-ли!..

Чудный день былъ потомъ: тихо, ясно, тепло...
Такъ привѣтливо солнышко съ неба глядѣло,
Будто нивы, луга, огороды, село
Наградить за напасть, за несчастье хотѣло.

Воздухъ былъ насыщенъ ароматомъ цвѣтовъ,
Въ вышинѣ птички весело съ пѣсней носились,—

По дорогѣ глухой, межъ колючихъ кустовъ,
Дроги съ гробомъ простымъ еле-еле ташились.

Шло лишь два мужика! Попъ уныло не пѣлъ;
Не хвалился діаконъ ужаснымъ базищемъ;
Дьякъ—и тотъ провожать мертвеца не хотѣлъ:
Старика,—бѣдняка, такъ везли на кладбище!

Привезли къ вѣртамъ, за оградѣ снесли;
Опустили въ могилю; спѣшно помолились;
Забросали землей... постояли... ушли...
Кто, откуда онъ былъ, никогда не добились...

Спи безвѣстный старикъ! твой удѣлъ роковой:
Въ полѣ жизнь ты провелъ, за сохой новыляя,—
Въ полѣ ты и нашелъ смерти вѣчный покой
Безъ предсмертныхъ тревогъ, помолясь, не страдая...

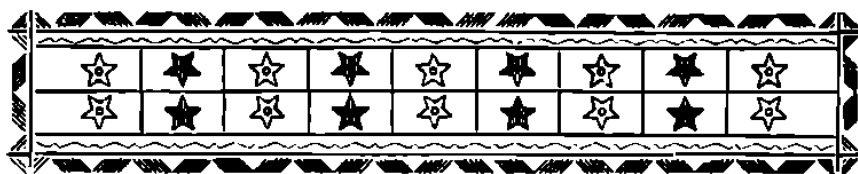
Каждый разъ съ той поры лишь собирались въ кружокъ
У вдовы дѣвки, парни и шли разговоры,
Вспоминала вдова мертвеца и стожокъ,
И твердила, какъ буря сносила заборы.

И платочекъ при томъ иль обшлагъ рукава
Прижимала къ глазамъ (иногда лишь для вида)...
Никогда той грозы не забудетъ вдова:
Крѣпко врѣзалась въ память обида!

Горе такъ бѣдняка постигаетъ порой:
Налетитъ, изломаетъ всего и промчится...
Но глубокий въ немъ слѣдъ бороздитъ за собой,
На всю жизнь мрачной складкой на сердцѣ ложится.

(Huma).

Куда-же теперь?

— Куда-же теперь?—съ тревогой въ лицѣ прошепталъ Вася Турбининъ, выходя изъ воротъ тюремнаго замка.

— Куда?—повторилъ онъ и оглянулся на замокъ. Въ эту минуту Вася пожалѣлъ даже о томъ, что покидаетъ его: все таки пріютъ...

— Куда-же въ самомъ дѣлѣ?!—и, не найдя положительнаго отвѣта, Вася машинально направился къ городскому саду, расположенному на краю губернскаго города Х...ва.

Достигнувъ задней части сада, Вася опустился на траву.

— Куда?!—въ сотый разъ, быть можетъ, прошепталъ Турбининъ и опустилъ голову. Онъ почувствовалъ себя безпомощнымъ: ему некуда идти! Васѣ показалось, что предъ нимъ все закрыто, что клеймо бродяги и вора разъ на всегда изъяло его изъ той свободной, покойной жизни, которую ведутъ честные люди...

А вѣдь и онъ могъ быть такимъ-же человѣкомъ, и все было сдѣлано для него, но... воспоминанія напоминали Васѣ, что онъ самъ виноватъ, виноватъ кругомъ...

Вася ясно вспомнилъ, съ какимъ трудомъ отцу его, человѣку бѣдному и обремененному семействомъ, удалось помѣстить его въ гимназію, и что-же? Вася пошелъ не очень далеко: „за громкое поведеніе и тихіе успѣхи“ Вася, въ скорости, былъ исключенъ изъ гимназіи. Родные отказались отъ него, прежніе товарищи отстранились и Вася попалъ въ среду, которая и погубила его... Онъ сталъ... воромъ!